

свои позиции в борьбе за власть.¹⁶ Платон критически относится к этой точке зрения. По его мнению, «установление патриаршества единственно надлежит приписать предложению от патриарха Константинопольского, дабы чрез то угодить Государю весьма набожному ⟨...⟩ который мнил чрез то и церковь в большем блистании представить, и свое явить к церкви благочестивое расположение...» (II, 99). Версия Платона полностью соответствует содержанию документа, рукопись которого на греческом языке хранилась в библиотеке в Турине. Это «поденная записка» о пребывании в Москве патриарха Иеремии, которую вел Арсений, архиепископ Галасунский, и отрывок из которой, переведенный уже с немецкого на русский язык под названием «О установлении Патриаршества в России», был опубликован в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1778. Ч. 2. Сентябрь. С. 163—176). Вполне вероятно, что Платон был знаком с этой публикацией. Сам он подробно рассматривает все аспекты этого исторического акта, опираясь на данные Кормчей книги. Он подчеркивает соборный характер учреждения патриаршего престола в России и особо останавливается на последствиях этой акции для отношений Русской церкви с римским престолом и его претензиями на главенство: «6) А что паписты говорят, аки бы Епископ Римский есть и должен быть центром соединения всех церквей: но самый опыт чрез толико веков показал, что всегда был он центром не соединения, но разделения и мятежей, не только в церкви, но и в Государствах» (II, 96). В итоге Платон признает несомненное укрепление независимости Русской церкви. Но основной вывод Платона, касающийся оценки принятия патриаршества как фактора усиления конфессионального суверенитета Церкви в ее отношениях со светской властью, далек от оптимизма: «Впрочем, — заключает митрополит, — новая Патриаршая власть ничего не приобрела кроме некоторого наружного блеска и видного наименования. Ибо власть Митрополитов всероссийских в духовном правлении точно та же была, какая принадлежит и Патриархам. Но могу сказать, что сия власть Митрополитов всероссийских, от начала Владимира до великого князя Ивана Васильевича, гораздо была большая и Митрополиты были в большем уважении, нежели наступившие Патриархи» (II, 100). В силу того что подавляющее большинство назначавшихся Константинополем митрополитов были греками «и не почитали себя гражданскому российскому правительству подчиненными и подданными, то чрез сие их власть была сильнее, нежели новая Патриаршая, зависящая совсем от Государя» (II, 101). Утрата независимости высшей церковной власти перед светской властью и предопределила, по мне-

¹⁶ См.: История российская от древнейших времен, сочинена князь Михайлом Щербатовым. СПб., 1790. Т. 6. Ч. 1. С. 216—217.